

ПРЕДИСЛОВИЕ К "ЗАПИСКАМ КНЯГИНИ МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ ВОЛКОНСКОЙ"

<...> С Некрасовым я был знаком долгие годы. Нас сблизила любовь моя к поэзии и частые зимние охоты, во время которых мы много беседовали, причем я, однако же, обходил разговоры о сосланных в Сибирь, не желая, чтоб они проскользнули несвоевременно в печать. Однажды, встретив меня в театре, Некрасов сказал мне, что написал поэму: "Княгиня Е. И. Трубецкая", и просил меня ее прочесть и сделать свои замечания¹. Я ему ответил, что нахожусь в самых тесных дружеских отношениях с семьей Трубецких и что если впоследствии найдутся в поэме места, для семьи неприятные, то, зная, что поэма была предварительно сообщена мне, Трубецкие могут меня, весьма основательно, подвергнуть укору; поэтому я готов сообщить свои замечания в том лишь случае, если автор их примет. Получив на это утвердительный ответ Николая Алексеевича, а на другой день и самую поэму в корректурном еще виде, я тотчас ее прочел и свез автору с своими заметками, касавшимися, преимущественно, характеров описываемых лиц. В некоторых местах, для красоты мысли и стиха, он изменил характер этой высоко-добродетельной и кроткой сердцем женщины, на что я и обратил его внимание. Многие замечания он принял, но от некоторых отказался и, между прочим, отказался выпустить четырехстишие, в котором княгиня бросает куском грязи в только что покинутое ею высшее петербургское общество², к которому принадлежали ее родные и близкие друзья и к которому она, в действительности, стремилась душою из далекой ссылки до конца своих дней...

Поэма имела громадный успех, и Некрасов задумал другую. Раз он, приехав ко мне, сказал, что пишет о моей матери, и просил меня дать ему ее "Записки", о существовании которых ему было известно; от этого я отказался наотрез, так как не сообщал до тех пор этих "Записок" никому, даже людям, мне наиболее близким. "Ну, так прочтите мне их", - сказал он мне. Я отказался и от этого. Тогда он стал меня убеждать, говоря, что данных о княгине Волконской у него гораздо меньше, чем было о княгине Трубецкой, что образ ее выйдет искаженным, неверными явятся и факты и что мне первому это будет неприятно и тяжело, а опровержение будет для меня затруднительно. При этом он давал мне слово принять все мои замечания и не выпускать поэмы без моего согласия на все ее подробности. Я просил дать мне несколько дней на размышление, еще раз перечел "Записки" моей матери и, в конце концов, согласился, несмотря на то, что мне была крайне неприятна мысль о появлении поэмы весьма интимного характера и основанной на рассказе, который в то время я не предполагал предавать печати.

Некрасов по-французски не знал, по крайней мере, настолько, чтобы понимать текст при чтении, и я должен был читать, переводя по-русски, причем он делал заметки карандашом в принесенной им тетради. В три вечера чтение было закончено. Вспоминаю, как при этом Николай Алексеевич по несколько раз в вечер вскакивал и с словами: "Довольно, не могу", бежал к камину, садился к нему и, схватясь руками за голову, плакал, как ребенок. Тут я видел, насколько наш поэт жил нервами и какое место они должны были занимать в его творчестве.

Когда поэма была кончена, он принял мои замечания³ и просил лишь оставить ему сцену встречи княгини Волконской с мужем не в тюрьме, как изложено в "Записках", а в шахте: "Не все ли вам равно, с кем встретилась там княгиня: с мужем ли или с дядею Давыдовым; они оба работали под землю, а эта встреча у меня так красиво выходит"⁴. Я уступил, но, уезжая из Петербурга, просил выслать мне, для просмотра, еще последнюю корректуру. Поэт этого не исполнил, и я получил от него при письме, полном извинений⁵, поэму, уже выпущенную ("Отечественные записки", Генварь 1873 года). Этим объясняется то, что в поэме проскользнуло несколько выражений, не отвечающих характеру воспетой им женщины.

Примечания

Михаил Сергеевич Волконский (1832--1902), сын декабриста С. Г. Волконского, сблизился с Некрасовым в начале 60-х годов. Он сочувственно относился к его поэзии, положительно отзывался в письме к Некрасову от 20 февраля 1864 года о поэме "Мороз, Красный нос":

"Сейчас я прочел Ваш "Мороз". Он пробрал меня - не до костей и не холодом - а до глубины души тем теплым чувством, которым пропитано это прекрасное произведение. Ничто, до сих пор мною читанное, не потрясло меня так сильно и глубоко, как Ваш рассказ, в котором нет ни одного слова лишнего: каждое так и бьет вас по сердцу. Все это как нельзя более знакомо и близко мне, до 25-летнего возраста" ("Звезда", 1925, No 6, стр. 270).

Рассказы Волконского о своем отце были использованы Некрасовым при создании поэмы "Дедушка" (1870). Волконский познакомил поэта с "Записками" своей матери, ставшие одним из главных источников поэмы "Княгиня М. Н. Волконская" (1872), появление которой нашло теплый отклик в семье Волконских. "Поэму вашу я прочел несколько раз сам, потом прочел ее своим, в том числе моей сестре, проводящей здесь со мною зиму, - писал М. С. Волконский Некрасову из Флоренции в марте 1873 года. - Поэма произвела самое лучшее впечатление; как сестра, так и я, по нашему родству с предметом поэмы, ничего не можем сказать против нее, а все в ее пользу" ("Красная нива", 1928, No 1, стр. 8--9). И в своих воспоминаниях Волконский особенно выделяет "Русских женщин" Некрасова из всех литературных произведений о "добровольных изгнанницах".

Печатается с сокращениями по изданию: "Записки княгини Марии Николаевны Волконской с предисловием и приложениями издателя князя М. С. Волконского", СПб. 1904, стр. XIII--XVII.

¹ Стр. 359. Работа над поэмой "Княгиня Трубецкая" была завершена в июле 1871 г. в Карабихе, напечатана в "Отечественных записках" (1872, No 4). Упомянутая встреча могла произойти в марте 1872 г.

² Стр. 359. По-видимому, речь идет о стихах:

Там люди заживо гниют -
Ходячие гробы,
Мужчины - сборище Иуд,
А женщины - рабы. (III, 42)

³ Стр. 360. М. С. Волконский писал Некрасову 30 октября 1872 г., что "первая часть "последней поэмы" выходит почти буквальным воспроизведением самого интимного, семейного рассказа...". "Название по именам множества лиц, из которых некоторые еще живы; многие эпизоды, в которых эти живущие лица сами участвовали; много таких мелочей, которые передавались нам, детям, и одним нам: все это желал бы я видеть обойденным и прошу вас убедительно это сделать" ("Звезда", 1925, No 6, стр. 284). Некрасов 22 ноября 1872 г. отвечал: "Мне ни особенно трудно, ни особенно жаль сделать те исключения в моей поэме, о которых Вы пишете. Я совершенно сглажу тот интимный характер, который придают поэме некоторые подробности, взятые из "Записок". Воспользуюсь также Вашими замечаниями в чисто художественном смысле, так как они большею частью верны. Имена заменю первыми буквами, упоминание о замужней сестре вовсе выкину..." (XI, 228). Эти изменения были сделаны: см. III, 439, 442, 590.

⁴ Стр. 360. Некрасов писал М. С. Волконскому: "... сцену в шахте я слышал до чтения "Записок", мне передавали, что работавшие в шахте, пораженные внезапным появлением княгини Волконской, стали на колени, - я не ввел этого в поэму потому только, что побоялся упрека в мелодраматичности" (XI, 228).

⁵ Стр. 360. Письмо неизвестно.